DOI 10.37539/2949-1991.2026.46.11.014

Андреева Анна Юрьевна,
Казанский Федеральный университет

Научный руководитель:
Курманов Мидхат Мазгутович,
профессор, д.н. кафедры
Конституционного и административного права,
Казанский Федеральный университет

МОДЕЛЬНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ: СРАВНЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЛОГИКИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОГО МИНИМАЛЬНОГО НАЛОГА

Аннотация. После двадцатилетнего снижения средняя законодательная ставка корпоративного подоходного налога в мире в 2020–2026 годах стабилизировалась и составляет 21,2% в 146 юрисдикциях [1] [4]. За внешней конвергенцией ставок структурные различия корпоративных налоговых систем отнюдь не исчезли. Отталкиваясь не от «рейтинга ставок», а от перспективы «институциональных моделей», настоящая статья рассматривает три репрезентативные логики построения: «модель сквозного налогообложения и параллельного минимального налога», представленную США [5] [8]; «модель территориального источника и освобождения», представленную Сингапуром и Гонконгом [6]; и «модель низкой номинальной ставки и широкой налоговой базы», представленную Венгрией и ОАЭ [6] [9].

На этой основе анализируется влияние глобального минимального налога ОЭСР (Столп второй) на сложившуюся конфигурацию [2] [3] – в частности, как вступившее в силу в 2026 году положение о «параллельном безопасном коридоре» фактически выводит транснациональные группы со штаб-квартирами в США из-под действия правил включения дохода (IIR) и правил низкого налогообложения (UTPR) [5] [8]. Приходим к выводу, что глобальный минимальный налог не положил конец конкуренции между налоговыми моделями, а сместил её центр с «уровня ставок» к «определению налоговой базы» и «дизайну форм льгот» [7] [10].

Ключевые слова: Корпоративный подоходный налог; модели налоговых систем; глобальный минимальный налог; принцип территориального источника.

1. Введение

Международное сравнение корпоративного подоходного налога долгое время находилось под властью упрощённого нарратива: чем ниже ставка, тем выше конкурентоспособность. Однако данные «Статистики корпоративных налогов 2026» ОЭСР рисуют более сложную картину [1] [4]. В 2026 году средняя законодательная ставка корпоративного налога в 146 юрисдикциях Инклюзивной рамочной программы составила 21,2%, не изменившись по сравнению с 2020 годом, что знаменует собой фактическое прекращение двадцатилетней понижательной тенденции [4] [10]. При этом распределение ставок демонстрирует значительную структурную стратификацию: в 25 юрисдикциях ставка не ниже 30%, в 11 юрисдикциях корпоративный налог полностью отсутствует или равен нулю, а ещё в трёх юрисдикциях (Барбадос, Венгрия, ОАЭ) применяется низкая ставка 9% [1] [9].

Стабилизация ставок означает, что предельная отдача от «гонки ко дну» снижается, но это не равнозначно исчезновению институциональных различий [7]. Напротив, когда

пространство для корректировки номинальных ставок сужается, государства обращаются к определению налоговой базы, формам льгот и выбору организационно-правовых форм для формирования собственной институциональной привлекательности [8]. Американская система сквозных субъектов позволяет предприятиям выбирать, платить ли налог на уровне компании; Гонконг и Сингапур посредством правил источника исключают зарубежную прибыль из налоговой сети [6]; Венгрия и ОАЭ, используя низкие номинальные ставки в сочетании с относительно широкой налоговой базой, поддерживают стабильность бюджетных доходов [6] [9]. Эти механизмы отнюдь не демонстрируют признаков «конвергенции» – каждый из них отвечает на различные политические цели и институциональные ограничения.

Основной тезис настоящей статьи состоит в следующем: ключ к пониманию современного корпоративного налогообложения заключается не в сравнении числовых значений ставок, а в выявлении институциональных предпосылок каждой страны относительно того, «кто должен платить налог, с чего и где» [7] [10]. Ниже последовательно рассматриваются три репрезентативные логики построения моделей, а затем обсуждаются компромиссные механизмы в рамках глобального минимального налога и их влияние на переформатирование конкуренции моделей [2] [3].

2. Сквозные субъекты и параллельный минимальный налог: двойственная логика США

Номинальная ставка федерального корпоративного налога в США составляет 21%, но эта цифра скрывает наиболее характерную часть институциональной конструкции: различие между корпорациями типа C и типа S [8]. Корпорации типа C подчиняются традиционной модели двойного налогообложения: прибыль компании облагается федеральным корпоративным налогом, а полученные акционерами дивиденды затем облагаются подоходным налогом. Корпорации типа S в соответствии с подразделом S Кодекса внутренних доходов передают доходы, вычеты и убытки непосредственно на уровень акционеров, и налог взимается лишь один раз – как подоходный налог физических лиц [8]. Институциональный смысл этого дизайна заключается в том, что американский корпоративный налог взимается не с «предприятия» как такового, а с «выбора формы ведения бизнеса в виде корпорации». Предприятие посредством выбора организационно-правовой формы может по существу определить уровень собственного налогового режима.

Одновременно США пошли по независимому от Столпа второго ОЭСР пути в сфере минимального налогообложения [5] [8]. Введённый Законом о снижении инфляции 2022 года альтернативный минимальный налог для корпораций (CAMT) устанавливает минимальный налог в размере 15% на скорректированный доход по финансовой отчётности для крупных предприятий, однако его расчётная логика структурно отличается от Столпа второго [8]. Согласно тематическому обсуждению Международной ассоциации юристов 2026 года, CAMT рассчитывает ставку глобальным консолидированным методом, тогда как Столп второй требует юрисдикционного расчёта эффективной ставки; налоговая база CAMT исходит из скорректированного дохода по финансовой отчётности, но итоговый расчёт в значительной степени возвращается к принципам обычного американского налогового права, что образует «непримиримое» архитектурное расхождение с подходом правил GloBE, отправной точкой которого является прибыль по финансовой отчётности [7][8].

Существование этой параллельной системы обеспечило США особый институциональный статус в переговорах по Столпу второму. Вступившее в силу в январе 2026 года положение о «параллельном безопасном коридоре» фактически выводит транснациональные группы со штаб-квартирами в США из сферы применения правил включения дохода (IIR) и правил низкого налогообложения (UTPR), сохраняя лишь применение квалифицированного внутреннего минимального дополнительного налога

(QDMTT) [5]. Условиями этого положения являются: наличие в стране материнской компании квалифицированной внутренней налоговой системы с номинальной ставкой не ниже 20%, наличие альтернативного минимального корпоративного налога на основе финансовой отчётности с эффективной ставкой не ниже 15%, а также отсутствие существенного риска снижения эффективной ставки внутренней прибыли ниже 15%. В настоящее время этим условиям удовлетворяют только США [5] [8].

Институциональное значение этого компромисса заслуживает тщательной оценки. Он признаёт реальность: при неучастии крупнейшей экономики универсальное применение глобального минимального налога не может быть обеспечено принудительным путём [2] [5]. Параллельный безопасный коридор в обмен на «признание различий» обеспечил дальнейшее продвижение Столпа второго в других юрисдикциях, но одновременно оставил институциональный интерфейс для подачи аналогичных заявок другими юрисдикциями [7].

3. Территориальный источник и ориентация на освобождение: стратегия налоговой базы Сингапура и Гонконга

Сингапур и Гонконг часто относят к категории «низконалоговых юрисдикций», однако институциональная логика обоих регионов существенно отличается от модели «низкой номинальной ставки» [6]. Их ключевая стратегия заключается не в поддержании крайне низких номинальных ставок - в Сингапуре она составляет 17%, в Гонконге стандартная ставка – 16,5%, – а в существенном сужении налоговой базы посредством правил источника и режимов освобождения [6].

Система налога на прибыль Гонконга использует в качестве связующего звена налогообложения критерий «получена ли прибыль в Гонконге» [6]. Для корпораций ставка налога на прибыль с первых 2 млн гонконгских долларов составляет 8,25%, с превышения – 16,5%, однако офшорная прибыль, признанная Налоговым департаментом полученной за пределами территории, не подлежит налогообложению [6]. Это правило источника делает эффективную налоговую нагрузку в высокой степени зависимой от географического распределения операционной деятельности предприятия, а не от единой законодательной ставки. Примечательно, что Гонконг ввёл требования экономической субстанции в отношении зарубежных пассивных доходов (дивидендов, процентов, доходов от интеллектуальной собственности): налогоплательщик должен удовлетворять определённым условиям существенной деятельности для получения освобождения, что отражает ужесточение международных ограничений в отношении «чисто бумажных офшорных структур» [6] [7].

Институциональный дизайн Сингапура также основан на налоговой базе, а не на ставке [6]. Единая ставка 17% применяется к доходам из местных источников, но зарубежные доходы могут быть освобождены при соблюдении определённых условий. Стартапы в первые три налоговых года могут пользоваться льготами: 75% освобождения первых 100 тыс. сингапурских долларов налогооблагаемого дохода и 50% освобождения следующих 100 тыс [6]. Эти механизмы делают эффективную ставку соответствующих новых предприятий на начальном этапе значительно ниже номинального уровня, однако применение освобождений обусловлено статусом налогового резидента и наличием экономической субстанции [6].

Общая черта обеих моделей заключается в следующем: они не стремятся привлечь все виды инвестиций минимальной номинальной ставкой, а посредством правил источника и адресных освобождений отбирают налогоплательщиков, соответствующих политическим целям [6] [7]. Эта стратегия «избирательно узкой налоговой базы» сталкивается с новыми ограничениями в рамках глобального минимального налога – введение QDMTT означает, что даже если страна источника не взимает налог, другие юрисдикции могут через механизм дополнительного налога взыскать разницу [2] [3]. Однако практика параллельного безопасного коридора показывает, что при признании налоговой системы страны материнской

компании «эквивалентной» сквозные правила могут быть фактически приостановлены [5]. Это открывает новое пространство для манёвра для юрисдикций, чья конкурентоспособность основана на стратегии налоговой базы: им необходимо добиваться не «соответствия» числового значения ставки, а «признания эквивалентности» собственной налоговой системы в рамках минимального налога [7] [10].

4. Низкая номинальная ставка и широкая налоговая база: иной путь Венгрии и ОАЭ

Квалификация 9-процентной ставки Венгрии и ОАЭ как «налогового рая» является ошибочным прочтением [6] [9]. Институциональный дизайн обеих стран при низкой номинальной ставке поддерживает относительно широкую налоговую базу и требования реального экономического присутствия, что принципиально отличает их от логики традиционных офшорных центров с нулевой ставкой [9].

Корпоративный подоходный налог Венгрии применяет единую пропорциональную ставку 9%, что является самым низким уровнем среди государств – членов ЕС [6]. Однако эта низкая ставка сопровождается муниципальным торговым налогом (до примерно 2%) и ограниченными правилами переноса убытков [6]. Иными словами, фактическая налоговая нагрузка предприятия в Венгрии представляет собой не просто 9%, а сложный уровень, формируемый центральным налогом, местными налогами и ограничениями налоговой базы [6]. Политическое намерение венгерской модели достаточно ясно: низкой номинальной ставкой привлекать производственные и реальные инвестиции, одновременно обеспечивая стабильность бюджетных доходов через местные налоги и правила налоговой базы [6] [9]. Это принципиально отличается от офшорной модели, привлекающей оболочечные компании нулевой ставкой и минимальной отчётностью [9].

ОАЭ с 2023 года ввели федеральный корпоративный налог со стандартной ставкой 9%, однако для налогооблагаемого дохода, не превышающего 375 тыс. дирхамов, применяется ставка 0%, а квалифицированный доход квалифицированных субъектов свободных зон также может пользоваться режимом 0% [6]. Применение ставки 0% в свободных зонах обусловлено требованиями «квалифицированного дохода» и существенной деятельности: чисто бумажная компания без персонала, помещений и принятия решений не может соответствовать условиям [6] [9]. В статистике ОЭСР 2026 года ОАЭ отнесены к трём юрисдикциям со ставкой ниже 10%, но одновременно включены в сферу охвата Рамочной программы глобального минимального налога [1] [9]. Это означает, что крупные транснациональные группы, действующие в ОАЭ, при эффективной ставке ниже 15% могут столкнуться с обязательством дополнительного налога, и номинальная ставка 9% не является институциональным освобождением [2] [9].

Общий урок этих двух кейсов состоит в том, что низкая номинальная ставка сама по себе не является полноценной налоговой моделью [9]. Её устойчивость зависит от широты налоговой базы, строгости требований существенной деятельности и институционального положения юрисдикции в рамках глобального минимального налога [7] [9]. Когда механизм дополнительного налога Столпа второго применяется к крупным группам, эффект стратегии привлечения инвестиций исключительно низкой ставкой будет зависеть от того, признаётся ли эта ставка «квалифицированным» минимальным налогом и получает ли страна материнской компании режим параллельного безопасного коридора [5] [7].

5. Компромиссы и незавершённость глобального минимального налога

Процесс реализации Рамочной программы Столпа второго в 2026 году вступил в фазу, отмеченную парадоксом [2] [3]. С одной стороны, более 60 юрисдикций завершили соответствующее законодательство, первый срок подачи информации GloBE наступил в июне 2026 года [3]. Государства – члены ЕС, Великобритания, Япония, Южная Корея, Сингапур, Гонконг и другие основные экономики уже включили QDMTT или IIR в национальное

законодательство [2][3]. С другой стороны, вступление в силу параллельного безопасного коридора фактически освободило крупнейшую группу транснациональных предприятий – группы со штаб-квартирами в США - от применения IIR и UTPR [5].

Институциональная логика этого механизма заслуживает анализа. Основная цель Столпа второго – обеспечить, чтобы крупные транснациональные группы несли эффективную налоговую нагрузку не ниже 15% в каждой юрисдикции деятельности [7]. QDMTT предоставляет стране источника приоритетное право налогообложения, а IIR и UTPR выступают в качестве резервных механизмов, обеспечивающих взыскание разницы страной материнской компании или юрисдикцией местонахождения других субъектов группы, если страна источника не взимает дополнительный налог [7]. Параллельный безопасный коридор выводит американские группы из резервных механизмов, и его теоретическое обоснование состоит в том, что американский механизм CAMT уже обеспечивает эквивалентную защиту минимального налога, а повторное применение двух наборов правил создаст несоразмерное бремя соблюдения [5] [8].

Однако фактический эффект этого механизма таков: система глобального минимального налога сохраняет широкое применение на уровне «налогообложения в стране источника», но на уровне «резервного налогообложения в стране материнской компании» возникает структурный пробел, границей которого являются США [5] [7]. Для американских транснациональных групп, действующих в низконалоговых юрисдикциях, дополнительный налог по-прежнему будет взиматься, пока на месте применяется QDMTT; но в сценариях репатриации низконалоговой прибыли американской материнской компании отсутствие IIR и UTPR означает, что глобальный охват Столпа второго является неполным [5] [10].

Для неамериканских транснациональных групп ситуация иная. Согласно действующим правилам, если в любой юрисдикции, где находится какая-либо дочерняя компания группы, уже применяется законодательство о глобальном минимальном налоге, вся группа может столкнуться с влиянием дополнительного налога [2] [7]. Это означает, что транснациональные группы со штаб-квартирами в юрисдикциях, ещё не принявших законодательство (например, материковый Китай), при наличии дочерних компаний в юрисдикциях, уже принявших законодательство, по-прежнему обязаны подавать отчётность и потенциально доплачивать налог согласно местным правилам [2] [3]. Государственная налоговая администрация Китая завершила в 2025 году специальный обзор глобальной налоговой нагрузки центральных предприятий и через систему «Налоговый путь» опубликовала руководства по реализации Столпа второго в различных странах [2] [10].

С точки зрения конкуренции моделей налоговых систем глобальный минимальный налог не устранил различия моделей, а изменил точку приложения конкуренции [7][10]. Пространство для снижения номинальных ставок блокировано QDMTT – даже если страна снизит ставку до нуля, при эффективной ставке транснациональной группы в этой стране ниже 15% страна источника сама сможет взимать дополнительный налог на основании QDMTT, и привлекательность низкой ставки тем самым значительно ослабляется [7]. Конкуренция, таким образом, смещается в двух направлениях: во-первых, определение налоговой базы, то есть какие доходы могут быть исключены из расчёта GloBE или пользоваться режимом квалифицированных налоговых кредитов; во-вторых, дизайн форм льгот, то есть как преобразовать субсидии из «прямого уменьшения налогового бремени» в «квалифицированные возвратные налоговые кредиты», чтобы сохранить реальный стимулирующий эффект при соблюдении требований [7][8]. Оба пути требуют тонкой институциональной дизайнерской способности, а не простой корректировки ставок [10].

6. Заключение

Надлежащей отправной точкой сравнения корпоративных налоговых систем является не ранжирование числовых значений ставок, а институциональный выбор каждой страны

относительно распределения права налогообложения и способов встраивания политических целей [7] [10]. Сквозные субъекты и параллельный минимальный налог США, территориальный источник и ориентация на освобождение Сингапура и Гонконга, низкая номинальная ставка и требования субстанции Венгрии и ОАЭ представляют три различные логики построения [6] [8] [9]. Различия между ними не исчезнут с реализацией Столпа второго, а проявятся в иных формах в рамках новых правил [2] [3].

Версия глобального минимального налога 2026 года по своей сути является компромиссным решением, признающим различия [5] [7]. Существование параллельного безопасного коридора свидетельствует о том, что даже в международном налоговом проекте под названием «координация» институциональные разногласия между суверенными государствами по-прежнему требуют урегулирования через исключения [5] [10]. Для предприятий и политиков понимание институциональной логики, стоящей за этими компромиссами, имеет более долгосрочную ценность, чем отслеживание изменений ставок или сроков соблюдения требований [7].

Список литературы:

1. OECD. Corporate Tax Statistics 2026: Statutory corporate income tax rates / OECD. – Paris : OECD Publishing, 2026. – URL: https://www.oecd.org/tax/tax-policy/corporate-tax-statistics-database.htm (дата обращения: 15.11.2026). – Текст : электронный.

2. Ду Лицзюань. Глобальный минимальный налог вступает в фазу координации реализации: законодательство принято более чем в 60 юрисдикциях / Ду Лицзюань // China Business Journal. – 2026. – 4 июля. – Текст : непосредственный.

3. Ду Лицзюань. Более 60 юрисдикций завершили законодательство по Столпу второму; в первом полугодии ожидается первый пик соблюдения требований / Ду Лицзюань // China Business Journal. – 2026. – 9 апреля. – Текст : непосредственный.

4. OECD. Executive summary: Corporate Tax Statistics 2026 / OECD. – Paris : OECD Publishing, 2026. – URL: https://www.oecd.org/tax/tax-policy/corporate-tax-statistics-database.htm (дата обращения: 15.11.2026). – Текст : электронный.

5. Cleary Gottlieb Steen & Hamilton LLP. Significant Tax Measures Remain in Flux for Large Multinational Groups : [отчёт] / Cleary Gottlieb Steen & Hamilton LLP. – 2026. – 15 января. – URL: https://www.clearygottlieb.com (дата обращения: 15.11.2026). – Текст : электронный.

6. Osome. Business Tax Rates by Country: 2026 Comparison / Osome. – 2026. – 28 сентября. – URL: https://osome.com (дата обращения: 15.11.2026). – Текст : электронный.

7. International Bar Association. Unpicking Pillar Two / International Bar Association // IBA. – 2026. – 20 сентября. – URL: https://www.ibanet.org (дата обращения: 15.11.2026). – Текст : электронный.

8. International Bar Association. Pillar Two and CAMT: competing paradigms for minimum taxation : [отчёт] / International Bar Association. – 2026. – 5 октября. – URL: https://www.ibanet.org (дата обращения: 15.11.2026). – Текст : электронный.

9. OECD. Taux légaux de l'impôt sur les bénéfices des sociétés en 2026 / OECD. – Paris : OECD Publishing, 2026. – URL: https://www.oecd.org/tax/tax-policy/corporate-tax-statistics-database.htm (дата обращения: 15.11.2026). – Текст : электронный.

10. Международные налоговые новости. «Статистика корпоративных налогов 2026» ОЭСР выявляет четыре главные тенденции глобального корпоративного подоходного налога // Международные налоговые новости. – 2026. – 8 августа. – URL: [электронный ресурс] (дата обращения: 15.11.2026). – Текст : электронный.